

В.К. Васильев

## ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФЕНОМЕН СЮЖЕТА-АРХЕТИПА

## Статья 2

В предыдущей статье [см.: 1. С. 81 -85] была рассмотрена проблематика реализации сюжета-архетипа об Антихристе в произведениях борисоглебского цикла и рассказе В.М. Шукшина «Сураз». Далее мы обратимся к проблеме выявления и описания в литературных текстах архетипического сюжета о Христе.

Задачи настоящей статьи заключаются в том, чтобы определить элементы композиционной структуры жизнеописания святого в «житии-маририи», найти специфику выражения сюжета-архетипа в данном типе жизнеописания и достроить таким образом структурно-типологическую модель «мученического жития». Подобная установка требует реализации сравнительного аспекта анализа - необходимо сравнить жизнеописание святого-мученика как тип с другим подобным типом. А потому следует выстроить или уже иметь определенную модель в качестве образца для сравнения. В данном случае оптимально, на наш взгляд, избрать типологическую модель «преподобнического жития». Основанием тому могут быть, по крайней мере, две причины. Во-первых, иноческий подвиг осмыслен в христианстве как классический тип подвига во имя Христа. Соответственно, преподобническое житие представляет собою классическую разновидность жанра, а значит, оно дает богатый материал для сопоставления. Во-вторых, по сравнению с другими жанровыми разновидностями, преподобническое житие наиболее изучено, т.е. отпадает необходимость в специальном исследовании структуры данного типа жития.

Содержанием преподобнического жития является жизнеописание святого от рождения и до смерти. (Мы не касаемся вопроса о полной композиции жития, которая включает в себя авторское вступление и заключение, но обращаемся к центральной части - жизнеописанию.) Собственно смертью житие не заканчивается, продолжение его - описание чудес, которые суть свидетельства загробной жизни святого. А она есть не что иное, как жизнь вечная. Житие в рамках адекватной ему культуры - открытый, незаконченный текст: пока продолжается земная история, существует вера, культ святого и творимые святым чудеса, оно может пополняться их записями [2].

Для структурно-типологической модели преподобнического жития существенны следующие элементы биографии подвижника [3]:

- сведения о родителях и родине святого;
- чудесное предвозвещение рождения святого [4];
- рождение от «блаженных» («святых», «благочестивых», «христолобивых») родителей [5];
- проявление склонности к избранному пути с детского возраста;
- отказ от детских игр со сверстниками; ; - ранние успехи в освоении грамоты и христианского учения;
- отказ от брака;
- уход из родительского дома;
- постриг;
- искушения и аскеза;
- посмертные чудеса [6].

Именованное преподобническое житие прямо указывает на то, что земная жизнь святого (независимо от типа подвига) в высшей степени подобна жизни Христа. Мученик - жертва, он искупает грехи своею кровью. Прежде всего в этом он подобен Христу, ибо Христос «не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление» [Евр. 9, 12]. Одновременно кровь мученика пролита и во искупление греховной природы человека вообще. Смерть мученика умаляет грехи христиан. «Так Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» [Матф. 20,298].

Произведения, входящие в цикл об убиении Бориса и Глеба (Летописная повесть [7. С. 144-161], «Сказание» [7. С. 279-303], «Чтение» летописца Нестора [8]; далее - Лп., Ск., Чт.), относятся к жанру «жития-маририя». Убиенные братья - святые-страстотерпы или мученики. Идея подвиги подвига святого-мученика подвигу Христа выражена в молитве Бориса (Лп.): «Господи Иисусе Христе! <...> примь страсть грехь ради наших, такой мене сподоби прияты страсть» [7. С. 148; ср. в Ск.: 7. С. 286] (здесь и ниже выделено нами.—В.В.). Ср. в Чт.: «Благодарю Тя, Владыко Господи, Боже мой, яко сподобил мя еси недостойного съобщнику быти страсти Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа. Посла бо единачадаго Сына Своего в мирь, Его же безаконнии предаша на смерть; и се аз посланъ быхъ отъ отца своего, да спасу люди отъ супротивящихся ему погань, - и се ныне уязвенъ есмь отъ рабь отца своего» [8, с. 11]. (См. также примеры ниже.)

Задача автора, приступающего к жизнеописанию преподобного, - от начала и до конца изложить его идеальную жизнь. Мученик - чаще всего мирской человек, главное для агиографа - отразить «идеальный момент», то есть саму казнь, гибель. Но при этом он отнюдь не избегает и описания «идеальной жизни» [9], биография мученика также воплощает определенный тип канон. Какие существенные элементы он в себя включает? Ответ могут дать лишь конкретные тексты. Ниже будут рассмотрены не только произведения из цикла об убиении Бориса и Глеба, но и другие мученические жития:

летописная повесть об убиении Андрея Боголюбского [10. С. 324-338], «Сказание об убиении в Орде Михаила Черниговского и его боярина Федора» [11, с. 228-235], «Повесть о Михаиле Тверском» [12. С. 16-27].

Как и в жизнеописании святого-монаха, в биографии мученика важен мотив рождения от «блаженных» («святых», «благочестивых», «христоролюбивых» и т.п.) родителей. В нем следует усматривать не влияние преподобнического жития, но проявление общего взгляда на мир в христианской культуре: доброе рождает добро, злое — зло.

В Лп. по смерти князя Владимира бояре и «убозии» плачут о «блаженном» «заступнике их земли», «заступнике и кормителе». Ср. в Чт.: «Бе мужь правдивъ и милостивъ к нищимъ и к сиротамъ и ко вдовичамъ»; автор не раз называет Владимира «благочестивым князем». Таинство крещения обновило вчерашнего убийцу и блудника. Летописец не мог не сказать о главном христианском подвиге князя: «Се есть новый Костянтинъ великого Рима, иже крестивься сам и люди своя: тако и съ створи подобно ему» [7. С. 146]. Ср. в Ск.: «Святѣимъ крещениемъ всю просвети сию землю Русьскую» [7. С. 278]. И в Чт.: «се вторый Костянтин в Руси явися» [8. С. 4,5].

В старшей, Пространной, редакции «Повести о Михаиле Тверском» сообщается, что «блаженный, приснопамятный и боголюбивый великий князь Михаиле» имел в роду «блаженного» предка, мученика, великого князя Ярослава Всеволодовича, погибшего от рук татар, кроме того, рожден от «святой» матери, великой княгини Ксении [см.: 12. С. 18] (она почиталась в Твери без официальной канонизации в качестве местной святой [см.: 13. СЧ. 166]).

Следующий мотив в биографии мученика также имеет свою параллель в жизнеописании преподобного. Будущий страдалец за веру с детских лет проявляет любовь к Богу, интерес к христианскому учению, грамоте, книжности. В Чт. автор пишет о старшем из братьев, Борисе: «Взимаше бо книги и чтяше, бяше бо и грамоте научен». Естественно, что тот, кому предстоит испытать мученический подвиг, читает прежде всего «жития и мучения святых». Младший, еще не обученный грамоте Глеб «седа и не отлучашеся от блаженаго Бориса, но с ним день и ночь послушаше его» [8. С. 5]. Об Андрее Боголюбском сказано: «Сыи благоверный и христоролюбивые князь Андреи от млады верьсты Христа возлюбивъ и пречистую его матеръ» [10. С. 324]. Ксения, мать Михаила Тверского, научила сына «святѣимъ книгамъ и всякой премудрости» [12. С. 18].

Все последующие мотивы (кроме описания чудес) выражают специфику именно жизнеописания мученика. Первый из них - мотив желания мученической смерти и приготовления к ней. Герой сознательно хочет пролить кровь за христиан, пострадать за веру, принять мученический венец.

Возможны два варианта реализации названного мотива в композиции жития.

-; В первом случае сначала в сюжете появляется противник христианской веры, русских святых, который в дальнейшем должен исполнить функцию мучителя. Наличие такого героя (или героев) уже предполагает завязку конфликта и последующее появление его антагониста, героя-мученика. (Герой-мучитель в таком случае чаще всего внешний враг.)

Рассмотрим примеры с таким вариантом построения композиции.

В «Сказании об убиении в Орде князя Михаила Черниговского» изначально речь идет о внешних врагах, коими являются «поганые татары» и хан Батый. Рассказывается о завоевании Русской земли и установлении обычая ездить русским на поклон к хану в Орду. Прибывшие должны были пройти «сквозе огонь и поклонитися кусту и идолу». Для христианина согласие совершить языческий обряд было равносильно отречению от собственной веры и приобщению к вере «поганых». Экспозиция конфликта налицо, далее неизбежно появление героя-мученика. Михаил Черниговский предстает как герой, которому «посла Богъ благодать и даръ Святаго Духа на нь и вложи ему въ сердце ехати предъ цесаря и обличити прелесть его, ею же лститъ крестьяны» [11. С. 228,230]. Князь заявляет своему духовному отцу: «Азь быхъ того хотель кровь свою пролияти за Христа и за веру крестьянь-скую». На что получает «пророческий» ответ: «Вы (Михаил и Федор. - В.В.) будета в нынешнемъ веде новосвятая мученика на утвержение инем, аще тако створита» [11. С. 230]. После отказа поклониться татарским богам («вельможа» Елдега бросает в лицо строптивцу: «Михаиле, ведая буди - мертвь еси!»). Но князь остается тверд в своем решении: «Азь того хоццо, еже ми за Христа моего пострадати и за православную веру пролияти кровь свою» [И. С. 232].

На стороне татар выступают внук Михаила, ростовский князь Борис, и бояре, которые уговаривают черниговского князя исполнить волю хана и обещают принять за его грех епитимью. «Тогда глагола имь Михайль: «Не хоццо токмо именемъ христьянь зватися, а дела поганыхъ творити». Федор, находящийся рядом, опасается, как бы князь не поддавался на уговоры и не поколебался в своей решимости, вспомнив любовь жены и ласку детей. Он напоминает ему слова из Евангелия, которым учил их духовный отец: «Рече Господь: «Иже хоцеть душу свою спасти, погубитъ ю, а иже погубитъ душу свою Мене ради, то спасеть ю». И паки рече: «Кая полза человеку, аще и всего мира царство прииметь, а душу свою погубитъ?» и пр. Это кульминационная сцена перед казнью, и для Михаила речь идет не о том, что грех можно очистить покаянием, а о выборе между спасением или гибелью души, который надо сделать здесь, сейчас. Заканчивается она эффектным жестом князя. «Тогда Михайль сойма коць (плащ) свой и верже к нимъ, глаголя: «Приимете славу света сего, еже выхоцете!» [И. С. 232]. Это жест-символ, означающий абсолютную внутреннюю готовность обвиняемого к конечному испытанию и последний шаг к нему. Одежда в средневековье символизировала чин и звание носящего ее. Сбросив свой плащ, Михаил тем самым сверг с себя высокий княжеский сан. Этим жестом он свершает то, что должно свершить каждому подвижнику во имя Христа, - отрывается от мира. («Всяк, иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села имени Моего ради, сторицею приимет и живот вечный наследит» [Матф. 19, 29]. В данных словах для христианина заключены смысл и обоснование подвига отречения.) «Слава света сего» лежит под ногами, и перед нами уже не князь, не властитель, не сын, не муж, не отец, а, если так можно сказать, своеобразный постриженник на мученичество -

«живой мертвец», христианин, еще пребывающий на земле, среди живых, но уже взшедший на порог Царствия небесного. Остается лишь принять причастие и встретить убийц.

В более специфическом борисоглебском цикле в качестве мучителя предстает, как мы знаем, не внешний враг, а брат Бориса и Глеба, Святополк. В начале автор Ск. описывает предысторию преступления (экспозиция). Узнав о том, что Святополк утаил смерть отца, Борис подозревает брата в злом замысле. Этим мотивируются его размышления: «Да аще кровь мою пролеет и на убийство мое потыщится, мученик буду Господу моему. Азь бо не противлюся...» [7. С. 280; ср. в Лп.: 7. С. 148]. Вся сцена, до смерти Бориса, церемониальна - в ней звучит его долгая молитва: «...да аще пролеет кровь мою, то мученик буду Господу моему, а дух мой примет Владыка» и пр. [7. С. 282]. Отказавшись от поддержки собственной дружины, он вспоминает христианских мучеников и опечален лишь одним: «Како предатися на страсть, како пострадати и течение съкончати и веру соблюсти, яко да и щадимый веньць примет от руки Вседержителевы» [7. С. 284]. «Господи, Иисус Христе! Иже симь образьмь и примь страсть грехъ ради нашихъ, сподоби и мя прияти страсть!» и пр. И даже когда тело Бориса было «прободено» мечами, он продолжает славить Бога: «Слава Ти, прещедрыи Живодавче, яко сподо-би мя труда святыхъ мученик\ Слава Ти, Владыко человеколюбче, сподобивши мя съкончати хотение сърдыца моего!» [7. С. 288]. Глеб, зная о злодейском поступке Святополка, обращается в молитве к убиенному Борису: «О милый мой брате и господине! Аще еси уполучилъ дръзновение у Господа, моли о моемъ унынни, да быхъ азь сподобленъ туже страсть въсприяти» [7. С. 290; ср. Лп.: 7. С. 150]. Данный мотив присутствует и в Чт. Борис читает жития и мучения святых и обращается в слезной молитве к Господу: «Владыко мой, Иисусе Христе, сподоби мя, яко единого от техъ святыхъ, и даруй ми по стопам их ходити <. > и даруй ми даръ, его же дарова отъ века угодникомъ» [8. С. 5]. Глеб, находящийся рядом, внимает каждому слову брата.

Во втором случае завязка конфликта мотивирована желанием героя испытать мученичество. О внешнем или внутреннем враге, мучителе, пока ничего не говорится, но его последующее появление уже запрограммировано. Пример такого варианта композиции мы находим в летописной повести об убиении Андрея Боголюбского и в «Повести о Михаиле Тверском».

Перечисляя княжеские и христианские добродетели Андрея Боголюбского, автор пишет о его ночных молитвах в храме: «...плачяся о грисехъ своихъ, възлюбивъ нетлененая паче тленьныхъ и небесная паче временныхъ и царство съ святыми у вседержителя Бога паче притекущаго сего царьства земльного» [10. С. 326]. О своей смерти он узнает «наперед», но «ни во что же вмени» [14]. Автор вкладывает в уста князя все те же слова евангелиста, которые типичны для подобной ситуации в мартириях: «Аще кто положит душу свою за другъ свои, можетъ Мои ученикъ быти» [10. С. 328]. («Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» [Иоанн 15,13].) Затем на сцену выступают убийцы.

В «Повести о Михаиле Тверском» читатель сначала узнает, что герой выбрал путь мученичества. «Михаиле Ярославичь свое царство, уметы вменив, остави, прият страсть нужную, полозки душу свою за люди своя, помня слово Господне, еже рече: «Аще кто положит душу свою за други своя, сей великий наречетъся в царствии небеснем». Сии словеса измлада навьче от Божественаго писания, полозки на сердци си, како бы пострадати» [12. С. 17; ср. с. 20, 21]. Это желание должны осуществить появляющиеся затем в сюжете его «сыновец» («племянник»), князь Юрий Московский, и татары. Заключенный в Орде с колодой на шее Михаил обращается с молитвой благодарности к Богу: «Слава тебе, Владыко человеколюбче, яко сподобил мя еси прияти начаток мучения моего, сподоби мя прияти и кончати подвиг свой». «Но трылло, Господи, имени твоего ради, яко благо ми будет пред преподобными твоими, давно бо жадах, да ми пострадати за Христа» [12. С. 22,23]. Даже когда ему предлагают побег из Орды, согласно версии повести, он отвечает отказом. (Заметим, что отказ мотивируется нежеланием оставить в беде дружину [см.: 12. С. 25; 15]).

Необходимо включить в структурно-типологическую модель жизнеописания мученика также мотивы его заключения (посажения в темницу и пр.) и суда над ним. Поставленный перед своими противниками, он обличает их ложную (языческую, басурманскую и т.п.) веру и отстаивает догматы христианства. Свою крепость в вере он доказывает и отказом исполнить языческий обряд.

Только два произведения из рассматриваемых нами обнаруживают упомянутые мотивы. В «Сказании» об убиении Михаила Черниговского нет мотива заключения. Само пребывание в Орде означает для Михаила и Федора то, что они находятся в полной воле хана. А потому суд над ними начинается уже с момента отказа исполнить языческий обряд. Князь и боярин, как мы заметили, выступают апологетами христианства. «Недостоить христьяномъ ходити сквозе огонь, ни поклонятися ему, же ся сии кланяють. Такс есть вера христьян-ская, не поклонятися твари, но поклонятися Отцо и Сыну и Святому Духу» [11. С. 230], - таков их ответ татарам-«волхвам». Заключение и суду был подвергнут в Орде Михаил Тверской. (При этом обвинения, выдвинутые против него, имели не религиозный, а политический характер. В качестве заинтересованной стороны в исходе дела выступали не только татары, но прежде всего Юрий Московский, желавший чужими руками расправиться со своим политическим противником.)

Затем следует вынесение приговора и казнь, а за нею, как и в преподобническом житии, Господь являет чудеса над телом святого. Чудеса, которые творит далее сам святой, - свидетельство его «жизни вечной» в Царстве небесном.

Итак, можно выделить следующие основные элементы в идеальной модели биографии героя-мученика:

- предварительные сведения о событиях, которые привели к гибели мученика (экспозиция) [16];
- рождение от «блаженных» («святых», «благочестивых» «христолюбивых») родителей;
- раннее проявление любви к Богу, интереса к христианскому учению, грамоте и книжности (будущий мученик читает прежде всего жития-мартирии);
- желание мученической смерти;
- конфликт с иноверцем;

- заключение;
- суд;
- отказ выполнить языческий (нехристианский) обряд;
- защита догматов христианской веры;
- приговор;
- казнь;
- посмертные чудеса [17].

В полном виде структурно-типологическая модель мученического жития включает в себя:

- 1) структуру биографии героя-мученика,
- 2) структуру биографии героя-мучителя,
- 3) структуру мученического конфликта.

Ни один из рассмотренных выше текстов не содержит объема информации, представленного полной жанровой моделью. Существенно, что в конкретных произведениях «выпадают» не только отдельные элементы, но целые жизнеописания. Так, жизнеописание мучителя мы обнаружили лишь в цикле об убийстве Бориса и Глеба, и то не во всех текстах, а только в Ск. и Лп. Автор Чт. опустил историю рождения и прочие сведения о Святополке. Его задачей было написание жития, в наибольшей степени отвечающего каноническим требованиям [18]. Включение в текст жизнеописания Святополка вступало в противоречие с данной задачей. А потому следует отличать структурно-типологическую жанровую модель от канонической, то есть собственно канона, на который ориентируется агиограф. Он включает в себя, прежде всего, жизнеописание мученика. Биография же героя-злодея вне данного канона.

Что касается Бориса и Глеба, то их подвиг смущал уже константинопольских иерархов. Хотя старший из братьев и молится о том, чтобы «веру съблности» (Ск.), однако, по справедливому замечанию исследователя, «вере Бориса никто не угрожал». Добавим: и вере Глеба. Подвиг братьев выразил идею не столько религиозную, сколько политическую. «Автор «Сказания» <...> политическую доктрину покорности старшим князьям поднял до уровня Божественной заповеди» [19. С. 20]. Междоусобные войны и преступления были главной внутривосточной проблемой в Киевской Руси. У великих князей не было возможности реально им воспрепятствовать. В этих условиях резко возрастала роль христианской, нравственной установки и примера, которые, в частности, явил подвиг Бориса и Глеба. «Высокая мораль была потребностью распадающегося общества. <...> Моральная сила должна была заменить силу государственную» [20. С. 141].

Борис и Глеб - страстотерпцы, они пострадали не за веру и не от язычника, а от сродника. По той же причине вне канона и подвиг князя Андрея Боголюбского. К числу канонических принято относить жизнеописание Михаила Тверского [21]. Однако обвинения, выдвинутые против него в Орде, не имели никакого отношения к вере: «Многи дани поймал еси на городех наших, а царю (хану. - В.В.) не дал еси», «...противу послабился еси, а княгиню Юрьеву повелел еси уморити» [13]; «Поносы и узами стяжим его и смертию нелепотную осудим его, яко неключим есть нам, не последует нравом нашим» [12. С. 22]. Из представленных выше героев за веру пострадали только Михаил Черниговский и боярин Федор. Их подвиг, как он описан в «Сказании», каноничен. Однако в тексте отсутствуют некоторые мотивы полной биографии.

Таким образом, среди рассмотренных жизнеописаний мучеников нет ни одного, включающего весь набор канонических мотивов, а значит, нет ни одного абсолютно канонического жития.

Если же критерием каноничности считать соответствие текста описанной структурно-типологической модели в ее полном виде, следует признать, что таковых среди рассмотренных произведений также нет. Этому критерию отвечают Лп. и Ск., но только в части жизнеописания мучителя, Святополка.

В предыдущей статье было выяснено, что в ходе творческого процесса сюжет-архетип выполняет моделирующую, сюжетообразующую функцию. Рассмотренные ранее примеры позволяют наглядно убедиться, что у Антихриста в литературных текстах есть сюжетный заместитель - незаконнорожденный, «злой человек», мучитель. Сюжетным заместителем Христа является святой. А потому закономерен вывод: в основе любого типа (!) жизнеописания святого («преподобнического», «святительского», «княжеского», «ородивого» и т.д.), героя любой разновидности жития лежит архетипический сюжет о Христе. Иными словами, генезис житийной структуры в целом связан с архетипическим сюжетом о Христе и Антихристе.

Сам архетипический сюжет представляет собой два параллельных антиномичных сюжета. В полном виде потенциально он способен реализоваться, как мы видели, в житии-маририи. Из представленных текстов пример такой полной реализации дают лишь два произведения борисоглебского цикла - Лп. и Ск. Кроме того, архетипический сюжет об Антихристе выявлен нами, казалось бы, в более чем далеком от агиографической проблематики произведении XX века, рассказе В.М. Шукшина «Сураз».

Выявление и описание сюжета-архетипа позволяет совершенно по-новому взглянуть на национальный историко-литературный процесс: с момента зарождения русской литературы до наших дней на глубинном (архетипическом, структурном) уровне он предстает как некий непрерывный поток. Дальнейшее исследование в этом направлении принципиально не только для построения жанровой типологии жития, оно открывает реальные перспективы построения сюжетной типологии русской литературы XI-XX вв.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Васильев В.К. Литературоведение и феномен сюжета-архетипа. Статья 1 // Вестник Краснояр. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2000. №2.
2. В. О. Ключевский в связи с необходимостью дополнения жития записями чудес писал о «загробном продолжении биографии» святого (см.: Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 361).
3. Не все они присутствуют в том или ином конкретном житии, но в структурно-типологической модели необходимо учесть все элементы, вычленимые из совокупности текстов.
4. Монах, согласно житию, предназначен для своего пути с самого рождения и даже раньше, с утробы матери. Сергей Радонежский, например, явил свою святость «преже рожения», еще «в утробе сущо» (Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия чудотворца и похвальное ему слово, написанное учеником его Епифанием Премудрым в XV веке. Сообщил архимандрит Леонид // Памятники древней письменности. СПб., 1885. С. 11; ср.: Житие Кирилла Новозерского: Памятники древнерусской учительной литературы. Вып. 4. Ч. 2. СПб., 1898. С. 34).
5. Христианская и мирская добродетель родителей имеет огромное значение для судьбы их чада, она - залог его будущей святости. Такова философия жития. (Она не абсолютна. В конечном итоге, жизненный путь, судьбу христианина определяет его свободный выбор между добром и злом. Однако, как мы видели, в литературе есть герой - незаконнорожденный, «природный злодей», - лишенный данной свободы выбора.)
6. О композиционной структуре преподобнического жития см.: Ключевский В.О. Древнерусские жития святых... С. 429-431; Лопарев Хр. Греческие жития святых VIII-IX веков. Пг., 1914. С. 15-36; Адрианова-Перетц В.П. Житие Алексея - человека Божия в древнерусской литературе и народной словесности. Пг., 1917. С. 127-144; Бугославский С.А. Литературная традиция в северо-восточной русской агиографии // Сб. статей в честь акад. А.И. Соболевского. Л., 1928. С. 332-336; Скрипиль М.О. Житийная литература // История русской литературы. В 10 т. М., Л., 1941. Т. 1. С. 88; Дмитриев Л. А. Жанр севернорусских житий // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27. Л., 1972. С. 181 -202; Дмитриев Л.А. Литературные судьбы древнерусских житий (церковно-служебный канон и сюжетное повествование) // VII Международный съезд славистов М., 1973. С. 401; Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII-XVII вв. Л., 1973. С. 4; Полякова С.В. Византийские легенды как литературное явление // Византийские легенды. Л., 1982. С. 247.
7. ПЛДР. XI - начало XII века. М., 1978.
8. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Приготовил к печати Д.И. Абрамович. Пг., 1916.
9. Ср.: иная точка зрения в кн.: Безобразов П. Византийские сказания. Рассказы о мучениках. Юрьев, 1917. Ч. 1. С. 1.
10. ПЛДР. XII век. М., 1980.
11. ПЛДР. XIII век. М., 1981.
12. Охотникова В.И. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985.
13. Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974.
14. Н. Серебрянский отметил, что «Ск.» о Борисе и Глебе было непременно источником почти каждого русского княжеского жития (Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 291.) «Стремление точнее провести параллель с Борисом и Глебом приводит иногда биографа к намеренным неточностям», - замечает исследователь по поводу данной фразы (Там же. С. 143.).
15. В.А. Кучкин пишет, что «Михаил не отвергал возможности спастись бегством от татар» [13. С. 12].
16. Сведения о мучителе могут быть помещены, как было отмечено, и после мотива желания мученической смерти.
17. Разумеется, что в данное описание, как и в описание структуры преподобнического жития, вероятно внесение определенных корректировок, исправлений и дополнений.
18. Н.Н. Воронин, полагая, что Ск. послужило основой для Чт., следующим образом характеризует манеру автора последнего: «Задача Нестора - превращение «Сказания» в годное для чтения в церкви житие в духе монашеских или великомученических византийских житий. Отсюда замена конкретного общими местами» (Воронин Н.Н. Анонимное сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1957. Т. XIII. С. 12). С.А. Бугославский конкретно рассмотрел вопрос о переделке материала Ск. Нестором (см.: Бугославский С.А. Жития (Русская литература XI-начала XIII вв. // История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 1.4.1. С. 326-332).
19. Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древнерусской литературы. 2-е изд. Л., 1987.
20. Лихачев Д.С. Сочинения Владимира Мономаха // Лихачев Д.С. Избр. работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 2.
21. «В сочетании острополитического содержания и строгой житийной формы (выделено нами. - В.В.) своеобразие этого произведения начала XIV в. и его интерес для истории житийного жанра, его функций, тематических и художественных особенностей в древнерусской литературе старшего периода» [ 12. С. 16]. Ср.: Конявская Е.Л. Житие Михаила Ярославича Тверского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI-первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 168.